

ЭННИ АСТЕРИЯ МУР

дуо

ДЕСЯТАЯ ЗИМА

18+

Энни Астерия Мур

Десятая зима

«Автор»

2026

Мур Э.

Десятая зима / Э. Мур — «Автор», 2026

Быть той, кого официально не существует - её цена за сохранение жизни. Десять лет назад Яра совершила немыслимое: вернулась из тёмного лабиринта со взрослым зверем, чья душа уже принадлежала другому. С тех пор её жизнь это чужое имя, фальшивые бумаги и постоянный страх перед Советом.

Под именем Киры Брит она привыкла не оставлять следов и выполнять приказы. Но новое задание ведёт её в усадьбу Мирослава Вольха. Когда-то могущественный род Вольхов едва удерживается на плаву, а Совет лишь ждёт повода, чтобы окончательно лишить их положения. Кира должна найти то, что уничтожит его репутацию. Вот только с первого же шага в имении всё идёт не по плану. Почему её рысь странно реагирует на хозяина дома? Какие секреты хранят зашифрованные дневники, спрятанные в этих стенах? И что делать, когда тот, кого ты должна уничтожить, становится единственным, кому хочется доверить свою тайну?

© Мур Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Десятая зима	6
Глава 2. Хорошая партия	10
Глава 3. Что в ней спало	13
Глава 4. Десять лет спустя	19
Глава 5. Цена невидимости	21
Глава 6. Порог	23
Глава 7. Три ночи (Мирослав)	25
Глава 8. Чужие книги	26
Глава 9. Дыры в книгах (Мирослав)	29
Глава 10. Корабли	30
Глава 11. Касание (Мирослав)	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Энни Астерия Мур

Десятая зима

Пролог

Давным-давно, когда мир был скован Первой Зимой, люди погибали от ледяного ветра и холода. Из далёких, залитых вечным солнцем Тёплых Земель пришли волшебные звери. Долгие века они лишь молча наблюдали из тёмных чащ за теми, кто ходил на двух ногах. Видели, как человеческие тела зябнут на ветру, а сердца замерзают от одиночества, горя и страха. Звери сжалились над людьми и решили разделить с ними своё живое тепло. По собственной воле они шагнули из лесов к человеческим кострам, чтобы стать Дуо, не слугами, а невидимым очагом, греющим изнутри до самого последнего дня.

Так слились воедино два мира, и вместе они стали несокрушимо сильны. Отдав людям половину своей дикой души, звери научились чувствовать гораздо глубже, любить ярче, но за этот дар заплатились долголетием. Их жизнь стала короче, сравнившись с человеческой. Люди же обрели невиданное чудо. Их тела стали сильными и невообразимо красивыми, а любые раны теперь заживали на них в два раза быстрее, чем раньше. Но самое главное, навсегда исчез холод в груди. Исчезло само одиночество. Соединившись со зверем, человек научился существовать один.

С тех пор люди перестали рождаться завершёнными. Каждый ребёнок ждёт свою десятую зиму, чтобы шагнуть во тьму и встретить там истинное отражение самого себя — своего Дуо.

Красивая, тёплая сказка. Именно её ласковыми голосами нашёптывают матери и няньки каждому наследнику Великих домов перед его десятой зимой. Детям высшего света внушают, что лабиринт Двора Дуо — место священного триумфа, где их ждёт преданный зверь, готовый расти вместе с ними.

Но сказки, что согревают детей у каминов, всегда о чём-то умалчивают.

Например, о том, что эта связь навсегда, и её не разорвать по своей воле. Её можно только вырвать вместе с куском души. Погибнет Дуо, и человек до конца своих дней носит в груди кровоточащую дыру. Погибнет человек, и зверь остаётся с такой же раной: год за годом страдая по отнятой половине.

Лабиринт Двора Дуо не знает жалости. И в эту морозную ночь он уже приготовил испытание для одной маленькой девочки.

Глава 1. Десятая зима

Время сказок закончилось.

Десятилетняя Яра Сивер зябко куталась в новое зелёное пальто. Пока остальные дети захлёбывались восторгом в ожидании магии, её подташнивало. Что, если она не найдёт своего зверя? Что, если она так и останется незавершённой?

Яра запрокинула голову и тут же почувствовала себя совсем крошечной. Двор Дуо тонул в снегах, которые не таяли здесь даже летом. Каменные трибуны уходили ввысь ярусами: и чем выше сидели люди, тем дороже у них были меха и громче смех.

Наверху, на самых лучших местах, перебирал когтями орёл, вдоль помоста лениво ходил тигр и оскалились два белёсых волка. Пониже жались лисы, барсуки, вороны — дома поскромнее. А у самого края, открытый всем ветрам, стоял мужчина с нахохлившимся на плече воробьём.

Оттеснённые туда же, они стояли вдвоём, беззащитные перед ледяным ветром. Встретив Яру у заставы после долгой дороги, тётка Велина весь путь до Двора хранила хмурое, тягостное молчание, лишь осуждающе поджимая тонкие губы.

А площадь тем временем заполнялась. Людей прибывало всё больше, и морозный воздух уже дрожал от рычания, фыркания и дыхания сотен чужих Дуо.

Тёткина кошка ступать на снег не желала вовсе. Она сидела у Велины за пазухой, выставив наружу недовольную морду, и при каждом порыве ветра прижимала уши. Велина же, чтобы успокоить, рассеянно почёсывала её под подбородком.

— Выпрями спину, — шепнула тётка Яре. — Не позорь семью.

— А почему мы стоим здесь? — Яра оглянулась на трибуны, уходящие вверх. — Там же есть места.

— Там только для самых сильных родов.

— Но наш род ведь древний. Папа говорит, Сиверы появились ещё до того, как построили город.

— Род-то у нас древний, — согласилась Велина. — Только обнищавший. Наверх таких не пускают.

— Велина Сивер! — воскликнули рядом.

Тётка обернулась.

К ним, придерживая полы шубы, пробиралась полная женщина с серебристой кунницей на плече. Лицо у неё было доброе и любопытное.

— А я гляжу, ты или не ты! — женщина обняла Велину, отстранилась и тут же уставилась на Яру. — А это кто у нас?

— Дочь моего брата.

— Ох. Красавица какая! — Женщина потрепала её за щеку.

Она обвела глазами их угол площади, и в её лице что-то дрогнуло.

— А сам-то Тихон где? С женой?

— Делами занят, — коротко сказала Велина.

— В десятую зиму, дела? — Женщина посмотрела на неё, потом на Яру, потом снова на неё: всё она прекрасно поняла. — Ну да, дорога от дома Сиверов не дешёвая.

Она наклонилась к Яре, обдав её запахом духов.

— Удачи!

И, ещё раз стиснув Велине локоть, ушла к парадным воротам.

Велина смотрела ей вслед.

— Тётя, — сказала Яра. — А правда, что мама с папой не поехали из-за денег?

— Правда.

— Но у нас же есть деньги. Мне вот пальто купили.

— На пальто пришлось потратиться, чтобы не позориться, потому что из старого ты выросла. — Тётка не поворачивала головы.

Тяжёлый гул колокола возвестил о начале отбора. В противоположной стене Двора Дуо чернел провал — вход в подземный лабиринт, вырытый в незапамятные времена. О его коварных тупиках, ямах и непроглядной тьме говорили многое. Но лишь пройдя в него, ребёнок мог обрести Дуо.

Наследников богатых домов вежливо провожали к парадным воротам — широким, усыпанным огнями фонарей. А Яру и остальных детей обедневшей знати погнали к отдалённому провалу в стене — узкому и абсолютно чёрному.

— Внутри идите поодиночке, — объявил глава Двора. — Дуо не выйдет к вам, когда вас много. Зверь приходит, когда вы одни. Разойдитесь.

Детей завели толпой и тут же погнали по разным коридорам. Яра видела, как брат с сестрой из соседнего дома вцепились друг в друга и не разнимали рук, пока их не растащили силой.

Яра подняла подбородок, как учил её отец, и пошла одна в чёрный лаз. Мать перед дорогой положила ей в карман пальто медяк на счастье. Девочка дотронулась до него и пошла в темноту к своему страху.

Темнота под землёй давила. Камень сочился холодом, под ногами то и дело уезжала в пустоту срывающаяся земля — яма, ещё яма. Яра прижималась плечом к стене и щупала пол носком, прежде чем шагнуть.

Ей казалось, что она шагает уже целую вечность. Миновал десятый поворот, двадцатый. Чужие радостные возгласы давно утихли. Лабиринт пустел, а мороз забирался глубже под пальто.

Впереди качнулся свет, и Яра вжалась в стену.

Из бокового хода вышел смотритель. Подняв лампу над мрачным провалом, он заглянул на дно и спустился. Вскоре он выбрался с ребёнком на руках. Мальчик плакал без остановки, прижимая к себе ногу. Смотритель, не церемонясь, перекинул его через плечо и направился к выходу.

Где-то в глубине дрогнула вторая лампа. Потом третья.

На Яру ни один смотритель не взглянул. Её не нужно было спасать. Яра сунула руку в карман, сжала мамин медяк и пошла быстрее.

Где-то далеко радостно вскрикнул ребёнок. Где-то дальше завизжал другой, но его визг тут же оборвался, сменившись глухим звуком падения.

Яра шла и искала, как все: что-нибудь маленькое, дикое и пугливое, как она сама, — лисёнка, совёнка, кого угодно, кого можно было бы прижать к груди и играть с ним потом дома.

А затем темнота впереди сгустилась и шагнула ей навстречу.

Тяжёлые лапы мягко ступали по камню. А в следующий миг во мраке вспыхнули два янтарных глаза, отразившие слабый свет дальнего фонаря. В тупике её ждал хищник: взрослая, красивая рысь с кистями на ушах.

Хоть Яра была ещё ребёнком, но она уже тогда понимала: что-то идёт не так. Зверь был слишком взрослым, чтобы быть в лабиринте.

Яра развернулась и побежала, обдирая ладони о камень и перепрыгивая чёрные ямы. В тупик она влетела на полном ходу. Нога подвернулась, и Яра рухнула на землю, больно ударившись бедром. Впереди была стена, по бокам камень, а за спиной всё ближе звучали мягкие тяжёлые шаги.

Зажмурившись, Яра выставила перед собой руки.

Шаги стихли совсем рядом, и её пальцев коснулось горячее дыхание.

Рысь медленно опустила тяжёлую голову и прижалась широким лбом к её дрожащим ладоням.

Яра от неожиданности распахнула глаза. Их взгляды встретились. И связь протянулась сама.

В грудь девочки разом хлынуло всё, что зверь слишком долго носил в себе.

Это была не её боль. Чужая, огромная, взрослая, ей совсем не по возрасту. Горе без слов и без имени, тоска по кому-то, кого Яра не знала и никогда не встретит, любовь и потеря, сплавленные в один сплошной ожог под рёбрами. Оно вливалось в неё кипятком, и тут сквозь муку всплыло чужое воспоминание.

Лабиринт, другая, давняя зима. И она сама, маленькая, пушистая, рысёнок на холодном камне. К ней в темноте выходит ребёнок, касается её, и между ними протягивается та самая связь.

Яра закричала от всего разом. От чужого горя, от чужого давнего счастья, от того, что взрослое, изношенное сердце вложили в детскую грудь и велели вместить. Она кричала, пока хватало дыхания.

Из дальнего входа она вышла последней, когда слёзы уже высохли. Яра едва держалась на ногах, а взрослая рысь тесно прижималась к её боку.

Двор их увидел и ахнул. Девчонка Сиверов вывела из тьмы не детёныша, как другие дети, а взрослую рысь. Такого Двор Дуо не помнил: взрослый зверь у ребёнка был дурным знаком, и десяток домов подались вперёд поглазеть. А Яра уже поняла по чужому горю, хлынувшему через связь: рысь была не просто взрослой. Прежде у неё уже был человек. И это было во сто крат хуже.

Яра стиснула зубы и промолчала. Пусть удивляются взрослому зверю. О том, что рысь когда-то принадлежала другому, им знать нельзя.

Тётка Велина сбегала с помоста, поскальзываясь, и кинулась к Яре, заслонив её от чужих глаз. Лицо у неё было белое.

— Что ж ты наделала, девочка, — выговорила она.

Домой Яру повезли уже на рассвете.

Мать, едва повозка встала, выбежала на крыльцо, прижала ладони ко рту и не проронила ни слова, только смотрела то на дочь, то на взрослую рысь у её ног. Отец вышел следом, застыл, а потом в три шага пересёк двор, подхватил Яру под мышки, как маленькую, и стиснул так, что дышать стало трудно.

— Живая, — выдохнул он ей в макушку. — Замёрзла, наверно. Ну всё. Всё.

— В баню её, — велел он жене. — И покормить. Разговоры после.

Яру вымыли, переодели в сухое, влили в неё горячего молока с мёдом и уложили в постель. Расспросить не успели: она провалилась в сон, даже не доев кашу. Рысь легла на пол у кровати, мордой к двери, и всю ночь не смыкала глаз — Яра чувствовала это сквозь сон, через их общую связь.

Проснулась она от затёкшей руки, свесившейся с постели в светлую шерсть с чёрными пятнышками. Рысь не спала, лежала и смотрела на неё через плечо жёлто-бурыми глазами.

И тогда у Яры в голове впервые прозвучал голос. Она подскочила от неожиданности и вжалась спиной в стену.

«Не бойся. Это я, твоя Дуо. — Голос был усталый и очень урчащий. — Здррравствуй, Яррра. Меня зовут Полынь».

И показала ей воспоминание.

Картинка пришла обрывком: тёплая комната и мальчик — сидит у печи и смотрит, как мать бросает в огонь горькую траву от моли. Дым вьётся, щиплет горло, а мальчику хорошо, он смеётся и тянет к дыму ладони. Они жгли полынь. Так он потом назвал и рысь, что пришла к нему в его десятую зиму, — за тот самый запах, в котором ему было спокойно и который напоминал ему мать. Это было воспоминание бывшего Дуо Полыни.

Картинка погасла. Яра сидела у стены, с колотящимся сердцем, и смотрела на своего зверя.

— Полынь, — сказала она вслух, пробуя имя на языке. Рысь прикрыла и снова открыла жёлтые глаза. Да.

К завтраку Яра всё-таки спустилась.

Все за столом ели молча, будто ничего не произошло, слишком старательно делая вид, что всё как обычно. Отец отломил хлеба, обмакнул в горячее и заговорил первым, негромко, устало, как говорят о деле, которое хоть и хлопотно, но решаемо:

— Со взрослой рысью беда, конечно. Скандал будет. — Он даже не поднял глаз от миски. — Ну да что уж. Скажем, редкий случай, старая кровь дала о себе знать. Пошумят и забудут. Уладим.

Под столом Полынь прижалась к её ноге. По связи толкнулось коротко и жёстко: «Не надо, не говори им».

Яра замерла с ложкой в руке.

«Про то, что я не котёнок, они переживут, — торопливо шептала рысь ей мысленно. — А про то, что я была чужой, — молчи. Это будет хуже любого скандала. Молчи, Яра. Никому нельзя знать».

Яра опустила руку под стол, нашла жёсткое ухо рыси, чуть стиснула. «Это мои родители, — изо всех сил направила она мысль в сторону Полыни. — Это же мои родители. Я не могу им не сказать».

И произнесла вслух:

— Папа, она не просто взрослая. Эта рысь уже была чьим-то Дуо. До того, как стала моей.

В комнате мгновенно сделалось тихо. Мамин королёк, до этого беззаботно щебетавший на жёрдочке, замолк и сжался в нахохлившийся комочек. Отцовский барсук угрюмо попятился под скамью и тяжело, недобро запыхтел, не сводя с рыси пристального взгляда.

Отец медленно отложил нож, которым только что намазывал масло. На его лице мелькнула скупая улыбка, не коснувшаяся глаз.

— Ешь, а то всё остынет, — произнёс он и переглянулся с матерью.

Под столом Полынь отвернулась, закрыв глаза с неодобрением.

Днём, когда родители разошлись по делам и в доме стало тихо, Яра увела Полынь к себе и села напротив, скрестив ноги.

— Почему их Дуо на тебя так смотрели? — по привычке спросила она вслух.

«Потому что я потеряла своего человека и всё-таки связалась снова. Это считается плохо, быть Дуо больше одного раза, а тут ещё и опять с ребёнком».

— А ребёнок почему плохо? — не поняла Яра.

«Плохо», — сказала Полынь, и в слове была такая тяжесть, что Яра не стала переспрашивать.

Яра помолчала, перебирая пальцами кисточку на её ухе.

— Тогда зачем ты это сделала? — спросила она. — Ты же сама меня там преследовала.

Рысь долго смотрела на неё золотыми глазами. По связи качнулось что-то огромное и закрытое — как дверь, которую придерживают с обратной стороны.

«Отвечу, — сказала Полынь. — Но не сейчас. Сейчас я ещё не готова. И ты не готова, Яра».

Глава 2. Хорошая партия

Пять зим спустя Яра Сивер знала о торговых делах больше отца. Другие девочки её возраста ещё играли в куклы и выбирали наряды, а Яра читала приходные книги.

Её тянуло к ним, и за это в доме её ещё больше не любили. Она могла, скользнув взглядом по приходной книге, сказать, в какой строке ошибка, потому что вместе со связью к ней перешло чутьё к числам, какого у неё раньше не было. Рука сама находила фальшивую строку, глаз сам цеплялся за лишний ноль, будто она всю жизнь только это и делала. Про того, чей это был дар, Полынь рассказывала редко. Его звали Радим. Он любил цифры больше всего на свете. Теперь его чутьё жило в Яре и всплывало само, выдавая то, чего ей знать было не положено.

— Тут не сходится, — сказала она, заглянув отцу через плечо.

— Не лезь, — сказал отец.

— В марте со склада ушло сто двадцать пудов, а продано сто.

— Это из-за усушки. Зерно лежит, сохнет и теряет в весе, — не поднимая на неё глаз, сказал отец.

— Тут цифры одинаковые. В апреле двадцать и в мае двадцать списано, — продолжала она.

Его перо остановилось.

— И что же?

— Усушка каждый месяц не может быть одинаковой. — Яра положила палец на строку.

— Она от погоды зависит, от того, сколько лежала, сухой был амбар или сырой. Она от месяца в месяц разная.

Отец медленно отложил перо и потёр глаза.

— Кто тебе это объяснил?

— Никто не объяснял.

— Яра.

— Никто, пап. Я это просто знаю.

Отец повернулся к сидевшей в комнате матери и сказал ей, будто Яры в комнате не было:

— Видишь? Она опять...

Барсук у его ног заворчал. Он всегда так делал, когда в комнате была Полынь. За пять лет так и не привык, как не привыкла ни мамина птица, ни кошка тётки Велины. За общим столом вокруг Яры всегда оставалось пустое место.

По репутации дома взрослая рысь ударила крепко. В высоких кругах о таком судачили годами: у Сиверов девочка вывела из лабиринта не детёныша, а взрослого зверя — дурной знак, порченная кровь. И без того осевшее имя рода просело ещё ниже.

Но по самой Яре ударил не взрослый Дуо. По ней ударили те несколько слов, что она сказала тогда за завтраком. Что зверь был чужим. С того утра что-то в родителях сдвинулось и назад уже не встало. Тепло, обнимавшее её до той первой страшной ночи, не ушло разом. Оно вытекало по капле, пять долгих зим. И Яра не сумела бы назвать день, когда мать с отцом перестали смотреть на неё как на дочь и начали, как на цифры в той же приходной книге.

Дом шёл ко дну. Беды как будто сговорились, навалившись разом.

Выходов оставалось ровно два. Первый — чудо. Второй — брак.

Обычная сделка для разорившихся родов: одни давали союзу громкое имя, другие, золото. По вечерам отец, мать и старший брат Яры Гордей только и делали, что перебирали подходящие фамилии.

А потом Гордей сказал:

— Дом Вольх. Отец, подумай сам. Сорок лет назад они только вошли в высокие Дома. Они же были простыми торговцами раньше. А теперь у них корабли, зерно, северные пути и половина порта. Их не любят за то, что они поднялись так высоко.

— Вот именно, — сказал отец.

— Предложим им обмен. Мы даём им наше древнее имя рода и связи. Они дают нам золото. И наследник Мирослав у них как раз не женат. — Гордей развёл руками.

Тут он впервые за весь разговор повернулся к Яре и посмотрел ей в лицо.

— Что рысь была уже чьей-то — про это Вольхам ни полсло...

— Знаю, я не дура, Гордей, — оборвала его Яра.

Гордей сжал губы, но смолчал. Его сова на спинке кресла недовольно переступила с лапы на лапу.

— Сколько ему лет? — спросила Яра.

— Двадцать один. Хороший возраст для женитьбы, — сказал отец, не глядя на неё.

Иллюзия о мальчишке, с которым удалось бы найти общий язык, рассыпалась в прах. Её замутило. Она даже не заметила, что от рыси идёт что-то похожее на радость от этой новости.

Яра смотрела то на мать, то на брата.

Полынь, всегда такая спокойная, при имени «Вольх» подобралась, по связи прокатилось такое острое стремление туда, к этому дому, что Яра задохнулась и под столом сильно стиснула жёсткое рысье ухо.

«Что с тобой?» — спросила она Полынь.

«Может, в той семье тебе будет лучше. Не расстраивайся раньше времени», — ответила рысь.

Письмо отослали через несколько дней. Гордей два вечера сам составлял его, тщательно выбирая слова, способные выставить их предложение в самом выгодном свете.

А потом начали ждать. Мать как-то вечером села рядом и принялась расчёсывать Яре волосы на ночь. Отец, проходя мимо, потрепал её по плечу и обронил «дочка» впервые за долгое время. Улыбнувшись ласке, Яра поймала себя на том, что в её груди распускается тепло.

«Не радуйся так. Это не любовь», — сказала Полынь по связи.

«Отстань», — отмахнулась Яра.

«Лошадь перед торгом тоже гладят. Чтоб шла смирно и не брыкалась, когда поведут. Я им не верю», — не отступала рысь.

Ответ от Вольхов привёз их человек. Он вошёл в дом, и Сиверы встали из-за обеденного стола, пригласив его присоединиться к ним. Человек Вольха не сел. Он обвёл глазами простую посуду, пустые стены, где когда-то висели картины, его взгляд нашёл Яру и, не задержавшись, скользнул дальше.

— Глава дома велел передать, — сухо произнёс он, — что Вольхи не собираются оплачивать чужие долги. Что же касается невесты... её провал во Дворе Дуо случился на глазах у всей толпы, замять эту историю уже не получится. А наш дом слишком дорожит своим новым статусом. — Он коротко кивнул и вышел. Во дворе простучали копыта лошади, и в комнате стало тихо.

Яра смотрела на родные лица и видела, как с них сходит то воодушевление последних дней.

Из-за решения человека по имени Мирослав Вольх, который одним словом «нет» вернул её обратно в холод. Она снова стала для них лишней строкой в приходной книге.

Полынь легла рядом, тесно прижавшись к ней тёплым боком. Рысь и сама приняла этот отказ близко к сердцу. Её голос зазвучал внутри сознания Яры согревающим рокотом: «Неважно, как они к тебе относятся. Слышишь? У тебя есть я. Мы со всем справимся сами».

Яра не позволила себе заплакать. Она ушла к себе в комнату, отыскала в углу материнские пяльцы с заброшенной вышивкой и принялась за работу.

Сто. Двести. Триста.

На третьей сотне суставы заныли, нитка то и дело сбивалась в упрямые узлы, но Яра продолжала колоть ткань. Цифры казались куда милосерднее чувств: в них царствовал идеальный порядок и для любой задачи всегда находился единственный верный ответ.

Полынь аккуратно растянулась рядом. Игла ходила вверх и вниз, стежок за стежком, пока судорожный ком в горле наконец не растворился и дыхание не стало ровным.

Глава 3. Что в ней спало

Полынь не ошиблась.

Мать всё чаще находила причины отправить Яру наверх, если в доме появлялись гости. Гордей и Ждан её не замечали. Только двенадцатилетний Тиша крадучись протягивал Полыни под столом хлебную горбушку или яблоко, испуганно оглядываясь на старших.

— Полынь... Они считают, что я приношу несчастья, — сказала Яра, перебирая пальцами густую шерсть у неё на загривке.

«Это не так. Иногда людям просто нужен кто-то, на кого можно свалить всю вину. Придёт время, и всё изменится».

А война домов тем временем подошла к порогу их дома. Сиверы задолжали дому Торн столько, что проценты давно обогнали сам долг. Сначала приходили письма. Потом, когда выяснилось, что платить нечем, пришли трое мужчин.

Самый высокий держался впереди. От левого виска к щеке у него спускалась чёрная татуировка, похожая на трещину. Второй был коренастым и широкоплечим, со сломанным когда-то носом, возле его ноги тяжело переступала росомаха. Третий казался самым худым, но ножей на нём было больше, чем одежды: один у пояса, два на груди, ещё один в ножнах у голени.

Меченый развернул лист и начал читать:

— Денег у вас нет. И добра на такую сумму не наскрести.

— Мы заплатим. Дайте нам время, — сказал отец.

— Время вышло.

— Тогда заберите всё, что есть в доме!

Меченый усмехнулся:

— Ваше барахло столько не стоит.

Он сложил приказ и сунул его за пазуху.

— Собирайтесь. Будете отрабатывать долг.

Обвешанный ножами хмыкнул. Его взгляд скользнул по детям и остановился на матери, медленно сползая ниже.

— Хотя не всем придётся надрывать спины. Для хозяйки дома с дочкой найдётся работа полегче.

Отец замер. Потом резко вырвал приказ у него из рук. Тот не стал удерживать лист, только отступил на полшага, всё ещё улыбаясь.

— Здесь нет ни единого слова о людях, — произнёс отец, глядя на лист. — Ни о службе, ни о передаче долга. Дом Торн требует вернуть деньги или имущество.

Он поднял глаза на мужчин.

— Торны не поручали вам забирать нас.

— А им и не нужно знать подробности. Мы отдадим им причитающееся, и долг будет закрыт. А вы с этого дня будете должны уже нам, — ухмыльнулся меченый.

Отец сжал приказ в руке.

— Рабство запрещено законом.

Ухмылка меченого стала шире.

— И кто нам здесь указ? Совет далеко. А мы близко.

Он кивнул своим.

Широкоплечий рванулся к отцу, и одновременно с этим его росомаха с рыком метнулась на барсука. Сцепившись в ком, звери с грохотом покатались по полу, сдирая когтями лак с паркета.

Отец успел отпихнуть первого нападавшего, но тут же сбоку на него налетел второй, тот, что с ножами. Он мёртвой хваткой вцепился в отцовскую руку, заломил её за спину и резко дёрнул вверх.

Отец вскрикнул, пытаясь вырваться, но широкоплечий уже вернулся: навалился всей тушей, сбил его с ног и прижал коленом к полу. А второй тут же рванул заломленную руку ещё выше, до предела. В плече что-то хрустнуло, и отец закричал от боли.

— Не трогайте его! — отчаянно билась мать.

Гордей порывался кинуться на помощь, но мать мёртвой хваткой вцепилась в его рубаху. Ждан же пятился к стене, сжимая в руках дрожащего лиса.

Воспользовавшись хаосом, Меченый сцапал младшего прежде, чем кто-либо успел среагировать. Он рывком притянул Тишу за воротник к себе. Молодой пёс кинулся его защищать и тут же с гулким стуком отлетел к стене от удара тяжёлым сапогом.

— А ну стоять! — процедил Меченый.

В его руке блеснула сталь. Тиша замер, лезвие упёрлось ему прямо под подбородок, и мальчик судорожно задрал голову.

Заметив это, отец отчаянно дёрнулся на полу.

В ответ на этот рывок человек с ножами жестоко выкрутил отцовское плечо. Лицо Сивера исказилось, из груди вырвался надсадный стон.

— Отпустите жену и детей. Я пойду с вами, — прохрипел он в доски пола.

— Нет, Сивер, вы пойдёте все. — Меченый наклонился к самому уху застывшего ребёнка.

Остриё сильнее надавило на кожу, и на шее Тиши выступила маленькая капля крови. Гордей дёрнулся вперёд.

— Ещё шаг, и я перережу ему горло! — рявкнул Меченый.

Переведя тяжёлый взгляд на Ждана, дрожавшего у стены с лисом на руках, наёмник отдал приказ:

— А следом будет он. Так что вы все прямо сейчас выходите во двор. Без шума, без попыток сбежать.

И он потянул мальчика к двери.

— Этот пойдёт первым. Старший, следом. Мальчишку с лисом поведёт женщина. Дёрнется хоть кто-нибудь, и прирежу одного и возьму следующего.

Глаза Тиши были полны слёз, губы дрожали. По его шее медленно стекала кровь.

Яра видела отца на полу, бледного, с перекошенным от боли лицом. Видела Гордея, сжимающего кулаки, но не способного пошевелиться. Ждан вжался спиной в стену и закрыл собой лиса.

И вдруг внутри неё что-то резко пробудилось. Мир вокруг замедлился и стал мучительно чётким.

Пальцы Меченого на Тишином вороте. Остриё у горла. Капля крови на шее. Хриплый вдох отца. Мать с ладонью у рта. Ждан, вжавшийся в стену и баюкающий лиса.

И в грудь, где жила их связь с Полынью, огненной волной хлынул жар. Будто их обеих подпалили изнутри.

Яра не помнила, как пересекла комнату. Она оказалась возле Тиши раньше, чем Меченый успел оттащить его к двери. Её пальцы мёртвой хваткой сомкнулись на его запястье.

Наёмник вскрикнул от вспыхнувшей боли, и клинок со звоном упал на доски.

Резким движением Яра толкнула Тишу за себя, закрывая его собой. Меченый попытался перехватить её свободной рукой, но Яра изо всех сил ударила его ладонью в грудь. Нападавший с треском впечатался спиной в дверной косяк.

А затем за дело взялась Полынь.

Рысь перехватила росомаху прямо в прыжке и с глухим ударом впечатала её в пол. Второй наёмник, отпустив отца, рванулся к висящим клинкам на груди. Он не успел вытащить ни одного, как гигантская тень сбила его с ног, заставив захлебнуться собственным криком.

Широкоплечий только-только поднялся с колена и повернул голову на шум, но Полынь настигла его прежде, чем он успел хотя бы осознать угрозу.

Меченый, тяжело и хрипло дыша, пополз по полу к выпавшему ножу. Его пальцы почти коснулись рукояти, когда прямо между ним и оружием опустилась тяжёлая рысья лапа. Короткий вскрик. Удар тела о доски. Хрип, оборвавшийся почти сразу. И в комнате снова воцарилась тишина.

Когда мир с гулом вернулся к своей обычной скорости, Яра всё ещё стояла перед Тишей, закрывая его собой. На шее брата тонкой красной линией темнел порез.

Мать уже была возле отца, бережно придерживая его вывернутую руку, а по его лицу крупными каплями стекал пот. Гордей так и стоял посреди комнаты со сжатыми кулаками, не в силах отвести взгляд от пола. Ни один из наёмников больше не двигался.

Яра обняла Тишу и притянула к себе, и только тогда её затрясло. Всё тело горело и ныло после силы, прошедшей сквозь неё, дыхание никак не выравнивалось. Рядом так же тяжело дышала Полынь.

«Ты их... Всех. Так быстро... Зачем? Они бы ушли! Можно же было просто напугать, выгнать...» — судорожно вырвалось у Яры по их общей связи.

«Нет, нельзя было. Послушай меня, Яра. Останься хоть один из них в живых, он рассказал бы о том, что мы можем. Рано или поздно весть дошла бы до Совета. И тогда нас пришли бы уничтожить наверняка», — отрезала Полынь. Её голос в голове Яры звучал твёрдо, как падающий камень.

Яра обвела глазами родных: мать, отца, Гордея, Ждана с прижатым к груди лисом. И на короткий миг подумала, что сейчас кто-нибудь подойдёт и обнимет её.

— Боги. Ты понимаешь, что это? Понимаешь, что мы теперь можем? — выговорил Гордей, обращаясь к родителям.

Ждан ничего не сказал. Только прижал лиса ещё крепче и отвёл от Яры глаза.

Полынь, едва державшаяся на лапах, привалилась к Яриному боку.

«Плохо, что они узнали», — сказала она.

«Откуда в нас такое?» — спросила Яра, глядя на рысь.

Полынь долго смотрела на неё жёлтыми, ввалившимися от усталости глазами.

«Так бывает. Просто иногда связь между Дуо ложится глубже, чем у прочих. Такое нельзя предугадать».

Яра отпустила Тишу, и мальчик, которого она только что закрыла собой, попятился от неё. Подобрал скулящего щенка и отошёл за спину Гордея.

Кровь успели отмыть до полуночи. Тела наёмников вынесли, полы отскоблили.

Яра лежала в темноте в своей комнате. Через полуоткрытую дверь доносились приглушённые голоса. Приехавшая в ночи тётка Велина, мать и отец ругались.

— Вы соображаете, что сегодня произошло? В вашем доме Вирж и три трупа.

— Мы всё убрали, — возразила мать.

— Убрали. А Торн пришлёт новых людей, и они начнут выяснять, куда делись прежние. — Голос тётки стал жёстче, деловитее. — Долг закроем сегодня. Я дам деньги, продадите участок. Торн решит, что его люди вас припугнули, получили своё и уехали.

Она помолчала.

— Но Торн теперь меньшая из ваших проблем. Ты же сам видел, что она такое со своей рысью. Одно дело, терпеть клеймо «проклятых» из-за её рыси. Но сегодня всё зашло дальше. Совет уничтожает не только Виржа. Он зачищает весь род.

— И что ты предлагаешь? — спросил отец.

— Ничего я вам не предлагаю. Деньгами помогу и уеду к морю, пока за вами не пришли. И Ждана я забираю с собой.

— Велина...

— У меня дом там большой, я одна. Будет помогать по хозяйству. — Тётка перешла на быстрый, торопливый шёпот.

Утром у крыльца уже ждала повозка. Ждан первым же запрыгнул внутрь, крепко прижимая к груди своего лиса. На сестру он так и не посмотрел.

Тётка Велина взяла вожжи, натянула их и напоследок обернулась к Яре.

— Держи спину ровно, — бросила она.

Повозка тронулась, колёса застучали по камням, и они уехали. Вечером Тиша позвал Яру к столу. По коридору он шёл следом, держась в десяти шагах.

За столом пустовало место Ждана. Отец ел одной рукой, не поднимая глаз. Мать не приоткрылась к еде. Стоило Полюни пошевелиться под столом, как все трое замирали. Яра не смогла проглотить и половины каши.

Ночью сон так и не пришёл. Яра лежала на спине, всматриваясь в непроглядную тьму над головой. В тишине спальни снова и снова оживал дневной гул, а в ушах эхом отзывались сухие, вёдливые слова рыси.

— Полюнь... — наконец прошептала она в тишину. — Кто такие Виржи?

Рысь тяжело вздохнула рядом, и в полумраке блеснули её янтарные глаза.

«Лучше один раз показать, чем долго объяснять», — отозвалась Полюнь по их общей нити.

И в следующую секунду сквозь связь хлынуло чужое, глубокое воспоминание.

... Залитый солнцем чужой городок из далёкого прошлого, рыночный гул, запах печёного хлеба и конского пота. Рядом шёл Радим, совсем ещё молодой, уверенно ведущий юную рысь сквозь толпу.

В дальнем конце площади показались всадники в серых плащах Совета. Толпа расступилась. Всадники остановились у лавки с горшками, перед темноволосым человеком в потёртом буром кафтане. У его ног трусила тощая рыжая собака.

— Именем Совета, вы задержаны, — отчеканил старший, обращаясь к нему.

Темноволосый мужчина опустил ладонь на загривок пса, и в следующий миг пропал из виду вместе с псом.

Трое всадников легли на мостовую за три удара сердца. Никто даже не увидел, как мужчина, к которому обращался стражник, их достал. Толпа с криками отхлынула, кто-то опрокинул корзину, яблоки покатались под ноги.

А потом из узких переулков с двух сторон площади ровным, чеканным шагом начали выходить остальные солдаты Совета. Ряд за рядом, отрезая пути к отступлению. Копья сомкнулись в сплошную стальную стену.

Стена шла на него, и он её ломал. Снова и снова. Но подкрепление не прекращало прибывать. Солнце тем временем клонилось к закату.

Рыжий пёс больше не был рыжим. Морда его выцвела до грязно-белой, будто он разом состарился на десять лет. Волосы мужчины тоже поседел, и он стоял, опустив руки и часто дыша.

Стена снова пошла вперёд. Пёс прыгнул первым, но прыгнул медленно, и арбалетчик успел прицелиться. Стрела прошила собаку в воздухе.

Мужчина рванулся к псу. Опустился на колени, пытаясь прикрыть его собственным телом.

Свистнули тетивы. Первая стрела вошла ему в плечо, вторая, между лопаток. Он всё ещё тянул пальцы вперёд, когда третья швырнула его на камни — лицом к лицу с умирающим псом. Тот в последний раз слабо ткнулся носом в его ладонь, и они оба затихли.

Наступила жуткая тишина. Но уже через минуту людской поток снова пришёл в движение, обтекая два окровавленных тела и старательно отводя глаза. Серые плащи спокойно выдёргивали стрелы из своих мёртвых и возвращались в сёдла.

Полынь дрожала так, что эта дрожь отдавалась сквозь связь у Яры под рёбрами. Радим крепко обнял молодую рысь и держал, пока последний всадник не скрылся из виду.

«Кто был этот мужчина с собакой? — испуганно толкнулась мысль Полыни. — Почему за ними пришёл Совет?»

— Их называют Виржами, — тихо ответил Радим. — Это редкость. Человек и его Дуо сливаются в единое целое и выходят далеко за грани обычных людских возможностей.

«Тогда почему их убивают?! Это же дар!»

— Точно никто не знает. — Радим поднялся и отряхнул колени. — Говорят, когда-то во главе Совета стоял Вирж. И понадобилась целая армия, чтобы его свергнуть. После этого новый правитель решил, что второго такого Совет уже не переживёт. Виржей объявили вне закона, а их силу опасной.

Он коротко скомандовал:

— Пора идти.

Яра лежала в темноте, а её сердце бешено колотилось.

«Значит, никому нельзя об этом знать», — сказала Яра.

«Да», — подтвердила Полынь.

«Но родители и Гордей — они же всё видели», — растерянно сказала она по связи.

«Им опасно тебя выдавать: у Виржа убивают всю его родню. Говорят, что эта сила может передаваться по кровной линии», — отозвалась Полынь.

А внизу, за дверью, всё ещё горела свеча. И мать с отцом о чём-то тихо спорили.

Свеча внизу погасла уже глубокой ночью. Голоса стихли, а Яра всё лежала и смотрела в потолок, будто там могло быть написано, что теперь делать с этой силой.

Она подняла ладони и всмотрелась в них в темноте.

Тонкие пальцы с обкусанными ногтями. Самые обычные руки.

И ими же она отбросила наёмника к двери, будто он ничего не весил. Яра медленно сжала пальцы. Ничего не происходило. Сжала сильнее, до боли хрустнув косточками. Потом осторожно ухватила за край кровати и потянула, почти ожидая, что дерево треснет под пальцами. Кровать даже не скрипнула, и Яра отпустила её.

Огонь внутри спал, свернувшись где-то на дне, как зверь после охоты.

«Не спишь», — сказала Полынь.

— Не сплю.

«Я тоже».

Яра повернула голову к рыси.

— Полынь. Я чудовище?

По связи шло что-то тяжёлое, тягучее. Рысь подбирала слова.

«Ты ребёнок, который сегодня спас свою семью. Вряд ли чудовище так бы поступило».

Яра села на кровати, обхватив колени. В доме было тихо, только где-то далеко скрипела половица, то ли отец не спал, то ли ей казалось.

— Они меня теперь боятся. Даже Тиша теперь избегает меня.

«Его сегодня чуть не зарезали. Дай ему время. А вот радость Гордея меня смущает», — сказала Полынь.

Яра запустила пальцы в шерсть на её загривке — привычным движением, не думая, — и Полынь качнулась ей навстречу, подставляя голову.

— Что теперь будет?

«Не знаю».

— Ты же всегда знаешь.

«Не всегда. — Рысь толкнулась лбом ей в колено, тепло и тяжело. — Иногда я просто говорю уверенно, чтобы тебе было спокойнее».

Яра фыркнула и тут же зажала себе рот ладонью.

Полынь уловила это по связи и толкнулась сильнее. Дверь в комнату была слегка приоткрыта, и сквозь узкую тёмную щёлку отлично просматривался уголок соседней комнаты — там, в своей корзине, свернувшись клубом, спал отцовский барсук.

«Смотри», — сказала Полынь и уставилась прямо в дверной проём.

За стеной завопили, и раздалось брюзгливое ворчание, то самое, знакомое, что Яра слышала постоянно.

«Вот», — с глубоким удовлетворением произнесла Полынь и опустила голову на лапы.

Ворчун поворочался и стих.

— Ты что сделала? — прошептала Яра.

«Просто посмотрела в его сторону».

— Он что, это сквозь сон почувствовал?

«Ага. Меня саму это удивляет. Стоит мне взглянуть, он начинает брюзжать».

Яра приподнялась на локте, вглядываясь в темноту. Полынь неторопливо подняла голову и опять на него посмотрела. За стеной тут же заворчали громче прежнего. Яра захихикала.

Полынь отвернулась и закрыла глаза с самым невинным видом. Барсук побубнил ещё немного и затих. Рысь приоткрыла один глаз и медленно повернула морду к стене. Он взорвался таким негодующим фырканием, что разбудил мать.

— Что там у него? — донеслось из-за стены.

— Полынь! — беззвучно выдохнула Яра. Плечи предательски задрожали.

«Я не виновата. Он слишком чувствительный».

— Ты же специально над ним издеваешься!

«А тебе он не надоел? Пять лет ворчит на нас при каждом удобном случае».

— Полынь...

«Может, ещё разочек?» — деловито предложила Полынь.

— Нет!

«Как скажешь».

Всё стало тихо, и через минуту барсук опять заворчал.

«ПОЛЫНЬ».

Рысь забралась на кровать целиком, всем телом, и улеглась рядом, придавив Яре ноги.

— Ты тяжёлая, подвинься.

«Сама подвинься, я утомилась. Мстить — тяжёлый труд».

Глава 4. Десять лет спустя

Официально Яра Север была мертва уже десять лет.

Так числилось в бумагах Совета: погибла при нападении на дом Северов. С тех пор по земле ходила Кира Брит.

Она снимала полдома на тихом краю города, у вдовы-кружевницы, что знала её как спокойную вежливую постоялицу, которая платит вперёд и не водит гостей. По утрам Яра здоровалась с соседкой, с молочником из дома напротив, кивала мяснику на углу.

Полынь такую жизнь ненавидела. Её приходилось прятать, выводить в сумерках, и всякий раз, когда Полынь жалась к стене чужого переулочка, по связи от неё шло злое: «Не так мы с тобой должны жить».

После той ночи, когда проснулась сила Виржа, её через несколько дней увезли на тихий край города и поселили в заброшенном домике, сказав всем, что Яра Север пропала при нападении на дом.

В основном навещал её только Гордей, принося продукты и пару монет. Тишу к ней строго-настрого не пускали, а Ждан к тому времени уже обжился у тётки Велины у моря. В какой-то момент Гордей начал приносить ей счётные книги семьи, и она их разбирала. Дыры в хозяйстве, что копились годами, стали затягиваться одна за другой.

Так бы всё и тянулось, если бы Гордей опять не сел за карты. Он проигрался Велизару Дану, одному из членов Совета. Мало того, за вином его совсем развезло, и он распустил язык: спьяну разболтал, что бизнес вытягивает его сестра, обладающая феноменальной памятью на числа.

После этого Велизар к ней в дом явился лично. Он не спеша перебирал пальцами загибок сидевшего у его кресла белого волка и сыпал вежливыми словами.

— Яра Север официально умрёт, — произнёс Велизар ласково. — А вот Кира Брит, которая появится на её месте, будет работать на меня. Как раз поможешь брату отработать долг Гордея: будешь считать, проверять, вытаскивать наружу чужие тайны из купеческих книг. Зато твоя семья наконец вернётся в общество, ведь проклятой дочери у них больше не будет.

«Не соглашайся. Они тебя не спасают, Яра. Тебя продают, чтобы выкупить шкуру этого труса. Одного ребёнка на другого обменивают. Мы выживем сами», — рычала Полынь, и этот злой рокот вибрировал в Яре по связи.

Но Яре было пятнадцать, и сил отказаться она в себе не нашла. И сказала «да». Полынь же разочарованно отвернулась.

За десять лет долг Гордея так и не кончился.

В то утро Гордей пришёл сам — единственный из родни, кто ещё переступал её порог. За эти годы он осунулся: у глаз и рта залегли морщины, которых Яра не помнила, между бровей встал жёсткий складок, и в светлых волосах на висках уже пробивалась седина. Он сел, не сняв плаща, а его сова устроилась на спинке стула, глядя на Яру тем же цепким, деловым взглядом, что и он.

Полынь, дремавшая у печи, при виде Гордея подняла голову и недвусмысленно зарычала. Рысь его не переваривала.

— Тебе работа, — сказал он вместо приветствия и положил на стол бумаги с печатью Совета.

— Ну, рассказывай, что за работа, — сказала Яра, не притронувшись к документам.

— Дом Вольх влез в крупный спор с домом Кейне. Три месяца назад Кейне перекупил у них северный маршрут — Вольхи разом потеряли четверть оборота. Теперь Мирослав из Вольх ищет, чем ответить. Совету невыгодно, чтобы он ответил слишком быстро. Нужен человек внутри.

— Он отказал нам когда-то, — сказала Яра. — Вдруг он меня помнит.

— Вряд ли он вообще помнит о том предложении, да ещё ты сильно выросла и изменилась. — Гордей подвинул бумаги ближе. — У Совета к нему сейчас дело по этому спору, пошлют своего ревизора разобраться в книгах. Войдешь как Кира Брит. Осмотришься, влезешь в его дела, найдешь, чем его задержать. Остальное, по обстоятельствам.

— Сколько у меня времени?

— Два месяца. Велизар ждёт отчёт через два месяца.

— А если отчёта не будет?

Гордей наконец поднял на неё глаза.

— Опять ты с этим глупым вопросом. Он тебя один раз похоронил на бумаге. Второй раз похоронит по-настоящему. И ему за это ничего не будет, Яра. Он же сидит в Совете.

Она наконец взяла в руки бумаги, на которых виднелся знакомый росчерк Велизара Дана.

— Будь готова через три дня. — Гордей поднялся.

Сова величественно расправила крылья, собираясь слететь со спинки стула, но Полынь, лежавшая до этого смирно, резко спружинила. Одно быстрое движение, и широкая пятнистая лапа шутиливо пронеслась в миллиметре от совиного клюва. Птица от такой наглости растеряла всю гордость: заухала, выдала хлопающий кувырок в воздухе и мёртвой хваткой вцепилась Гордею в плечо, едва не сдёрнув с него плащ.

«Ой, промахнулась. Какая досада. В следующий раз буду целиться лучше», — довольно проурчала Полынь в голове у Яры.

Гордей сердито поджал губы, пытаясь отцепить когтистую любимицу от своего плеча.

— И, Яра. — У двери он всё же обернулся. — Контролируй свою рысь, у неё ужасный характер.

— Я не управляю её инстинктами, — усмехнулась Яра.

Гордей ушёл. Яра осталась сидеть с бумагами в руках. За окном переулок жил своей жизнью: кружевница развешивала на солнце бельё, переплётчик отпирал лавку, где-то смеялись дети. Через три дня Яра войдёт под чужим именем в дом человека, который когда-то мог стать её мужем. Три дня на сборы. Шестьдесят, на всё остальное.

Она посмотрела на рысь. Рысь посмотрела на неё — жёлтыми, спокойными глазами, в которых впервые за десять лет не было злости. Было что-то похожее на нетерпение.

Глава 5. Цена невидимости

Заживляющая мазь пахла отвратительно: горько, остро и почему-то горелыми волосами.

Яра поморщилась, глядя в крошечное, треснувшее пополам зеркало, и аккуратно вбила зелёный крем в темнеющий на скуле синяк. Завтра он станет жёлто-зелёным, и придётся просить у хозяйки-кружевницы плотную пудру, чтобы не пугать соседей.

На стол, едва не смахнув стопку бумаг, опустилась тяжёлая, пушистая лапа с тёмными когтями. Полынь даже не открыла глаз, просто вытянула переднюю лапу и с глухим, требовательным «мррр» пихнула Яру в локоть.

— Я только вчера заработала нам на три месяца аренды, а ты требуешь почесушки? — вслух спросила Яра, хотя по связи уже летело кошачье, ленивое: «Чеши. Спрррава. Ближе к кисточке».

Яра закатила глаза, но баночку отставила. Пальцы привычно зарылись в жёсткую, тёплую шерсть на загривке рыси. Полынь удовлетворённо вздохнула, потекла по кровати пушистым тестом и уронила голову Яре на колени.

Но за эту тихую жизнь надо было чем-то платить, а денег ей не давал никто.

Совет не платил своим призракам. Велизар Дан считал, что спасение Гордея от долговой петли, уже достаточная плата за то, что Яра раз в месяц или два исчезала на пару дней, вскрывая чужие приходные книги. Семья Сиверов тоже не присылала ни медяка: для них она была мертва, удобная строчка в документах, не требующая расходов.

На краю стола лежала стопка потрёпанных тетрадей. На одной ещё виднелись белые следы от муки: это были расчёты для местной булочной. На второй, пахнущей свежей стружкой, Яра вчера закончила сводить баланс для столярной мастерской мастера Тора. Маленькие бизнесы платили немного, но честно: мешком зерна, куском хорошего сала или парой серебряных монет.

Но на аренду половины дома этого всё равно не хватало.

Раз в несколько месяцев, когда кошелёк становился совсем лёгким, Яра надевала старый плащ, красила косу чёрной краской, которая смывалась тем же вечером в ванне, и уходила в портовые кварталы.

Там, в подвалах заброшенных складов, где пахло элем, потом и кровью, проводились подпольные бои. Благородной крови на этом ринге не было: дрались портовые девки, ремесленники, прачки и те, кому срочно требовались деньги.

Каждый день, когда город ещё спал в предрассветном тумане, они уходили в глухую рощу за пустырьём. Яра бегала, а рысь бесшумно неслась рядом серой тенью. Они тренировались до изнеможения, а потом спокойно шли обратно домой.

Вчерашняя соперница выдохлась уже на третьей минуте, так и не сумев поймать юркую Яру, и теперь выигранный кошелёк с золотыми монетами надёжно лежал под половицей.

Яра пискнула, когда голова Полыни случайно коснулась её бока. Вчера ей всё-таки прилетело туда кулаком, и теперь на рёбрах расплывалась огромная багровая гематома.

Горячий, шершавый язык Полыни осторожно прошёлся по распухшим костяшкам.

Лишь после этого рысь подняла свои большие янтарные глаза, полные глубокого понимания. Она чувствовала её боль по их общей связи.

«Дура ты, Яра», — с тяжёлым мысленным вздохом прилетело ей.

— Сама знаю. Зато аренду закрыли, — буркнула в ответ она.

Рысь вздохнула. Вместо того чтобы по привычке закрыться, она вдруг подалась вперёд и прижалась широким тёплым лбом к Яриному плечу.

Полынь делилась воспоминанием, чтобы заглушить физическую боль Яры своим старым, бережно хранимым теплом.

... За окном шумела мягкая метель, но в кабинете Радима было жарко от камина. Пахло горьким дымом полыни, сухими травами и старой бумагой. Радим сидел в глубоком кресле, лениво перелистывая какую-то толстую книгу.

А на ковре у его ног возился маленький мальчик. У ребёнка были густые, смешные тёмные бровки и упрямый рот, который сейчас расплывался в беззубой улыбке.

Мальши с упорством иштурмовал спящую на ковре рысь. Он цеплялся крошечными пальчиками за её пятнистую шерсть, пытался оседлать её широкую спину и смешно лепетал что-то на своём детском языке. Молодая Полянь лишь лениво подёргивала хвостом, позволяя ребёнку ползать по себе, как по огромной подушке.

— Ну всё, разбойник, оставь зверя в покое, — со смехом отозвался Радим. Он отложил книгу, легко подхватил мальчика под мышки и подбросил в воздух. Мальчик залился звонким, чистым смехом. Радим прижал его к себе, потрепал по тёмной макушке и шепнул:

— Вырастешь — главой дома станешь. Великим человеком будешь.

Воспоминание погасло так же мягко, как и началось.

Яра сидела неподвижно, её пальцы всё ещё были зарыты в шерсть Полыни, а на глазах выступили слёзы. Боль в рёбрах действительно утихла, отступив перед чужой нежностью.

— Твой бывший Дуо любил его, — сказала Яра.

«Да, Радим души в нём не чаял», — отозвалась Полянь в её голове.

Яра разглядывала свои ладони. Память о мальчике, которого качали на руках, принесла с собой тепло. И всё же где-то глубоко кололо. Его любили так легко, будто иначе и быть не могло.

Глава 6. Порог

Усадьба Вольхов была именно такой, какой Яра её представляла.

Это был массивный, сложенный из векового тёмного камня дом, чью монументальность смягчали большие, красивые окна. Ни гербов на воротах, ни позолоты. Те, кто тут жил, не хотели показывать, сколько у них денег.

Ворота открылись без лишних вопросов. Привратник лишь скользнул взглядом по печати, молча кивнул, и Яра с Полынью вошли во двор. Тяжёлые створки за их спинами затворились с тихим клацаньем.

Усадьба готовилась ко сну. В нижних окнах гасли огни, а наверху, наоборот, загорались. Яра поднималась по лестнице и повторяла про себя, как заведённая: она войдёт, найдёт управляющего дома, представится, скажет про проверку Совета, попросит доступ к книгам. А потом, по обстоятельствам, как велел Гордей. Ей исполнилось двадцать пять лет, и десять из них, с тех пор как Яру Сивер записали в мёртвые, она переступала чужие пороги под чужим именем, но привыкнуть к этому так и не вышло.

Яра едва успела моргнуть, а Полынь уже скользила по тёмному коридору к полоске тёплого света из приоткрытой двери.

— Стой, — едва слышно шепнула Яра.

Рысь даже не замедлила шаг.

Сжав зубы, Яра нагнала её у самого порога.

— Полынь, — с нажимом прошептала Яра, наклоняясь к самому её уху и ощущая, как быстро под пальцами бьётся пульс зверя. — Сейчас не время показывать свой характер.

Рысь повернула к ней голову, и по связи пришло: «Я хочу посмотреть... там был кабинет Радима».

Яра замерла посреди чужого коридора.

«Где, там?»

«Здесь».

«Полынь. — Она сильнее вцепилась рыси в жёсткий загривок. — Радим жил здесь? В доме Вольх?»

Тут дверь в конце коридора открылась...

Перед ней стоял мужчина в простой рубашке с закатанными рукавами. Тёмные брови сошлись к переносице, а линия рта казалась упрямо сжатой. Яра задержала дыхание, сама того не заметив: это лицо она знала. Знала, хотя видела впервые.

Полынь показывала ей лицо Радима много раз. Тёмные брови. Упрямый рот. Карий цвет глаз.

А теперь то же лицо смотрело на неё из дверного проёма. Только моложе и красивее. Яра поймала себя на этом сравнении с досадой. У Радима в памяти Полыни лицо было мягче. А тут те же черты словно отлили из более жёсткого металла: острые скулы, суровые тени возле глаз и глубокий, оценивающий взгляд.

Он увидел Яру и Полынь.

И не узнал Дуо дяди.

Рысь застыла, глядя на него снизу вверх, любуясь на то, каким он стал. Через связь к Яре хлынула такая волна радости и тяги сделать шаг вперёд, уткнуться лбом в колени этого взрослого мужчины. Рысь качнулась в его сторону.

Под рёбрами у Яры противно кольнуло.

Позже Яра будет вспоминать, что почувствовала его раньше, чем разглядела. Не глазами, через Полынь. И что первой пришла не настороженность. Пришла чужая, тёплая радость, которую она приняла за свою.

«Хватит так откровенно ему радоваться, почему ты раньше не сказала, что Радим был из этого дома?» — послала она мысль резче, чем собиралась.

«Не порти момент», — буркнула Польша по связи. И тут же рысь повернула к ней уша-
стую голову.

«Я просто не видела его много лет».

— Кто вы? — прервал их мысленный диалог мужчина. Его голос был хриплый и устав-
ший. Он смотрел на Яру, но краем взгляда всё время возвращался к рыси. — Вы от Совета?

— Кира Брит. И да, я ревизор, вот письмо, — сказала Яра.

Она протянула бумагу. Он взял, но не открыл сразу, снова посмотрел на рысь. На этот
раз дольше.

— Меня зовут Мирослав Вольх, — сказал он. — У вас красивый зверь, у моего дяди
тоже была рысь. Давно. Как её зовут?

— Это не важно, — отрезала Яра.

Он посмотрел на неё чуть внимательнее, чем до этого. Но не стал настаивать. Развернул
письмо. Прочёл. Кивнул чему-то в своих мыслях.

— Входите. О проверке поговорим завтра.

Яра мешкала лишь долю секунды, но Польша уже мягко переступила через порог, настой-
чиво увлекая её за собой в тёплый, наполненный тихими тенями полумрак кабинета.

Мирослав отступил в сторону, пропуская её, и, когда рысь проходила мимо него, он опу-
стил руку и на секунду коснулся пальцами её загривка.

Заметив это, он резко отдернул руку: чужих Дуо трогать было нельзя. Рысь же не оста-
новилась, сделав вид, что ничего не почувствовала, но по связи к Яре качнулось довольное
мурчание.

Яра задержала на нём взгляд. Он отдернул руку не от страха, а потому что вспомнил
правило. За пятнадцать лет она научилась различать эти вещи безошибочно.

Яра переступила порог. Дверь за её спиной закрылась с тем же тихим клацаньем, что и
ворота.

Пятьдесят девять дней.

Глава 7. Три ночи (Мирослав)

Книги лгут так же, как люди. Особенно торговые.

Мирослав знал это лучше многих, потому что сам не раз заставлял их лгать. В любом деле, если копнуть достаточно глубоко, отыщется дыра: не проведённый платёж, накладная задним числом, остаток, что не сходится на самую малость. У честных домов дыр меньше, у нечестных — больше, но домов без дыр не бывает вовсе.

А дом Вольх вот уже три месяца, с тех пор как Кейне увёл у него зерновой маршрут, честным быть себе позволить не мог.

Когда от Совета пришло письмо о ревизии, Мирослав перестал спать.

Отец лежал разбитый на побережье и не вставал уже который месяц. Мать была занята им одним. Спросить было не у кого, а это всегда означало одно: решать ему.

Он сидел в счётной палате до рассвета и читал собственные торговые книги, выискивая бреши. Те записи последних недель, где видно было, как дом метался: спешные сделки себе в убыток, занятые под грабительский процент деньги, поставщики, к которым он стучался и которым нечем было заплатить.

Каждую такую дыру он либо зашивал, переписывал, дробил, прятал в законный расход, — либо уводил так глубоко, что найти её можно было, только заранее зная, что ищешь.

К утру третьей ночи он знал свои книги лучше приказчиков, что их вели.

И всё равно было беспокойно. Совет посылал ревизора неспроста.

— Наедине с книгами я его не оставляю. Буду стоять над душой, сколько понадобится, — сказал Мирослав вслух Туману.

Туман приоткрыл один глаз. «Ты несколько раз переписал эти книги. Ты боишься Совета?»

«Нет. Всё, за что они могли бы зацепиться, я закрыл».

«Тогда чего?»

Мирослав помолчал.

«Книги могут показать займы, невыгодные сделки, уходящих поставщиков. Если проверяющий будет умён, он заметит, что у Вольхов сейчас не лучшее время».

Свои слабости Мирослав показывать не любил.

Поздно вечером, когда он уже почти не видел строк, Туман вдруг поднял голову.

«В доме чужой запах», — сказал он.

Мирослав взял лампу и открыл дверь.

Он готовился увидеть унылого чинушу из Совета с гербовой бумагой. Но никак не молодую женщину с тяжёлой светлой косой на плече.

А потом он разглядел её зверя. Рука опустилась по направлению к рыси неосознанно, и он лишь в последний миг заставил себя отдернуть её.

Дни без сна брали своё. Он провёл ладонью по колючему от щетины подбородку, и сил хватило ровно на то, чтобы сказать несколько слов, прочесть письмо и велеть слуге устроить гостью в покоях для приезжих. Разговор он отложил до утра.

И только уже засыпая, поймал последнее: Совет, скорей всего, специально отправил к нему молодую, красивую ревизоршу, чтобы отвлечь его.

Глава 8. Чужие книги

Ей отвели простую и чистую комнату в гостевом крыле.

Уснуть удалось не сразу, потому что сначала они с Полынью поругались.

«Ты мне так и не ответила! Ты не говорила, из какого Радим рода. Почему, когда Гордей назвал фамилию, ты не сказала мне сразу, куда мы поедём?» — сказала Яра, едва за слугой закрылась дверь.

«Потому что ты бы сюда никогда не приехала, боясь, что они меня узнают».

Яра открыла рот и закрыла.

«Так и есть. Я бы отказалась от этой проверки», — сказала Яра.

И вот тут Полынь наконец подняла на неё жёлтые глаза.

«Я хотела здесь побывать. Ещё хотя бы раз».

В комнате стало очень тихо.

— Ты поставила свою тоску выше наших жизней, — тихо сказала Яра.

«Мне очень стыдно. Но если ты спросишь, сделала бы я так снова, я бы сказала: да», — сказала Полынь.

Яра легла на кровать, закрыв лицо подушкой. Полынь забралась на кровать, устроилась у неё за спиной и ткнулась мордой в затылок.

— Не подлизывайся.

Рысь замурчала.

— Полынь, я серьёзно.

Мурчание стало громче. Тёплый шершавый нос протолкнулся сквозь волосы к самой макушке, и Полынь принялась вылизывать ей пробор, медленно, тщательно, как вылизывают котёнка.

Она делала так с той первой ночи, когда Яре было десять. И прекрасно знала, что Яра любила этот её материнский жест.

— Это нечестно, — сказала Яра в подушку.

«Он меня не узнает», — сказала Полынь и не остановилась.

«Будем надеяться», — вздохнула Яра.

Уснула она только под утро.

Полынь всю ночь тихо сопела и даже не проснулась, когда Яра вставала, чтобы достать из шкафа ещё одно одеяло. Рысь лежала у самой двери, уткнувшись носом в порог, и вовсе ничего не сторожила. И это в чужом доме, где ей полагалось бы не смыкать глаз.

За Ярой пришли, когда рассвело. Слуга провёл её сквозь весь дом, сделав лишь короткую остановку в столовой, и повёл дальше.

Вытянутый кабинет дома Вольх тонул в тени высоких окон. До самого потолка возвышались шкафы, забитые томами в строгих тёмных переплётах. В комнате не было ничего лишнего: два стола, пара кресел и диван.

Мирослав ждал её у окна.

Дневной свет изменил его до неузнаваемости. Ночью он показался ей всего лишь измученным мужчиной. Теперь перед ней находился хозяин дома: подтянутый, опасный, в чёрной рубашке с небрежно закатанными рукавами.

Из-под скрещённых на груди рук выглянуло серебро родового перстня. Карие глаза мужчины смотрели, словно сканируя, и необходимо было слегка задирать подбородок, чтобы не проигрывать в этой безмолвной дуэли. Солнечный свет высветил короткие тёмные волосы.

В косом луче рассеянного солнца у самого окна нежилась огромный самец пумы. Вытянувшись во весь рост, он казался вылитым из жидкого золота, настолько ровно отливала глянь-

цем его гладкая песочная шкура. При виде Полыни он сразу поднял голову, встретившись глазами с её кошкой.

Туман — его имя Яра знала из бумаг, он был вдвое крупнее её рыси. Полынь остановилась в дверях и села. Два зверя смотрели друг на друга через всю комнату, и ни один не отводил взгляд первым.

— Доброе утро. Надеюсь, вы выспались, — сказал Мирослав.

— Благодарю. Вполне.

— Садитесь. — Он указал на второй стол, где уже лежали приготовленные книги. — Совет пишет, что вам нужен доступ к торговым записям дома за последний год. Они здесь. Спрашивайте, если что понадобится.

И при этом он не сел сам. Встал поодаль, у окна, скрестив руки.

Яра поняла: он не уйдёт. Она будет работать у него на глазах, все пятьдесят восемь дней, если понадобится. Он не доверял ни ей, ни бумаге Совета, ни самому Совету и не считал нужным это скрывать.

Его дядя одобрил бы.

Яра села и открыла первую книгу.

Она только начинала вести пальцем по строкам, а чутьё само ловило несоответствия: вот здесь оборот просел на четверть, и просел разом, в один месяц, три месяца назад, вот контракт на зерно, перечёркнутый и закрытый досрочно, вот спешные, нервные записи последних недель — Вольхи метались, искали нового поставщика, тыкались то на юг, то на восток и всюду опаздывали. Кейне успел везде раньше. Всё было ровно так, как говорил Гордей.

— Вот эта статья. Объясните, что за расход, — сказала она, нарочно ткнув в первую попавшуюся.

Мирослав пояснил. Коротко, точно, ни одного лишнего слова.

Они работали так до самого полудня. Он подавал ей книги, неотрывно следя за реакцией, а она принимала их, искусно притворяясь, будто смыслит в них куда меньше, чем на самом деле. Дважды он намеренно сбил порядок записей, проверяя её на прочность. Она заметила подвох оба раза и оба раза предпочла смолчать.

Книга раскрылась ровно на спорном контракте — том самом зерновом соглашении, которое Кейне увёл из-под носа у Вольхов. Увлёкшись, Яра скользнула взглядом по строчкам цифр и высказалась вслух раньше, чем успела прикусить язык.

— Здесь неустойку считали по старому положению. По-новому она вдвое меньше. Если бы вы оспорили контракт через Совет, а не отпустили поставщика, Кейне завяз бы в тяжбе на год. Вы потеряли этот год сами.

И осеклась.

Туман в полосе света поднял голову. Полынь у двери приоткрыла глаза.

«Выпендрёжница», — уронила она по связи, лениво и очень довольна.

Мирослав отлепился от окна, подошёл к столу.

— Любопытно, — сказал он негромко. — Не знал, что ревизоры считают не только неустойки. Удивлён вашими познаниями.

Тёмные глаза неспешно прошли по её лицу, внимательно, оценивающе, задержавшись на губах на один удар сердца дольше, чем позволял деловой разговор, — и вернулись к её карим глазам.

— И всё же странно, — проговорил он тише. — Я будто бы вас уже где-то...

Он не договорил. Чуть склонил голову, разглядывая её.

«Осторожно, — толкнулась по связи Полынь. — Он умнее, чем тебе хотелось бы».

— Вряд ли, — сказала Яра Мирославу, спокойно закрывая книгу, и порадовалась, что голос не выдал ничего из того, что творилось под рёбрами. — Мы не встречались. Я бы запомнила.

— Да, — произнёс Мирослав, не отводя взгляда. — Меня обычно запоминают.

— Не сомневаюсь, — сказала Яра и вернулась к книге.

Он наконец отступил, и Яра позволила себе мысленно выдохнуть.

Первый поединок был окончен.

Она не проиграла. Но и не выиграла: за полдня она не нашла в этих книгах ровным счётом ничего.

Глава 9. Дыры в книгах (Мирослав)

Утром Туман первым заметил их приближение. Зверь даже не пошевелился, продолжая греть бока на солнышке, но в голове Мирослава раздался его сонный, ленивый голос: «Идёт твоя головная боль».

Дверь отворилась, и гостья вошла внутрь.

Она была слишком молода, по его мнению, для такой работы. Тяжёлая белая коса через плечо, лицо — такое же светлое, холодное, с карими глазами. И совершенно нетипичная для ревизора фигура: спортивная, поджарая, с крепкими бёдрами, которые облегающие штаны только подчёркивали.

Поймав себя на том, что разглядывает её подтянутую фигуру, Мирослав мысленно дал себе затрещину. Нашёл время. Не для того он пахал без продыху последние дни, чтобы пускать слюни на ищейку, явившуюся по его душу.

Её зверь проскользнул в кабинет следом и чинно устроился у самого порога. Мирослав кивком указал гостье на стол, где её уже ждали пухлые гроссбухи, а сам отошёл к окну, привычно скрестив руки.

Поймать её было не на чем. Ни одной ошибки, ни единого лишнего вопроса, всё безупречно. Дважды он умышленно подсунул ей записи не по порядку, но она и виду не подавала, что заметила подвох. Стоило какой-то строке ей не понравиться, как между бровей залегала тонкая морщинка, а карие глаза цепко бежали по столбцам цифр, быстро, точно, ни разу не сбиваясь.

Но чутьё, которое обычно не подводило, упрямо твердило: здесь что-то не так.

А затем она нашла его ошибку. Всего за полдня.

Мирослав не повёл и бровью. Умна. Побольше бы таких в его деле, и половину убытков этого года удалось бы избежать.

Но если она за полдня нашла эту ошибку, то сколько ей нужно времени, чтобы увидеть те, что он прячет?

Она поднялась со своего места и неторопливо подошла к шкафу, чтобы взять другую книгу.

«Ну? И что ты думаешь об этой парочке?» — лениво поинтересовался в его голове голос Тумана.

Мирослав остался у стола, хмуро наблюдая за тем, как ей приходится тянуться к верхней полке, отчего её силуэт казался ещё тоньше.

«Думаю, Совет копает под меня всерьёз, раз прислал её, — мысленно отозвался он. — За такую голову я бы охотно перебил цену и забрал её у Совета».

Она тем временем нашла нужную книгу и вернулась на своё место. Устроившись за столом, привычным движением перекинула волосы со спины на грудь.

Туман на реплику хозяина не ответил. Янтарные глаза с расширенными зрачками следили за длинной косой, качающейся у бедра девушки. Мирослав хмыкнул.

«Слушай, гроза побережья, прекрати гипнотизировать её, — мысленно одёрнул его Мирослав. — В тебе весу как в добром телёнке, клыки в палец длиной, а ты завис, как котёнок над мотыльком. Несolidно как-то».

«Сам ты котёнок, там на конце кисточка, — оскорблённо проурчал Туман. — Она её то туда перебросит, то сюда. Кончик же шевелится! Я просто контролирую потенциальную угрозу. Вдруг эта волосатая змея на нас нападёт?»

«Угрозу, как же, — мысленно фыркнул Мирослав и, тоже засмотревшись на тяжёлое плетение её волос, добавил: — Ладно, только не напугай нашу гостью».

Глава 10. Корабли

Яра знала, что ревизию можно растянуть ровно настолько, насколько ей вздумается, — и что Мирослав понимает это не хуже неё.

Они оба притворялись. Она, что считает медленно и въедливо, как положено добросовестному ревизору. Он, что у главы дома Вольх нет дел важнее, чем стоять у окна и смотреть, как незнакомая женщина листает его торговые книги. Дел у него было через край: Яра видела это по тому, как часто в дверь скреблись приказчики. И всё равно он не уходил.

Более того, со временем он стал переносить в кабинет и свои дела. Садился с бумагами прямо напротив неё, и они часами работали бок о бок, каждый над своим, в глубокой, почти уютной тишине. Лишь изредка Мирослава отвлекали дела усадьбы, и тогда он уходил, но всегда ненадолго.

Однажды он развернул к ней письмо от поставщика, к проверке никак не относившееся, спросил, что бы она сделала, — а час спустя Яра услышала, как он отдаёт управляющему ровно это распоряжение.

Он подбрасывал ей вопросы: откуда она родом, где училась счёту, давно ли при Совете. Яра отвечала односложно. Пятнадцать лет молчания научили её держать личное при себе. И она видела, что это его злит.

К полудню кабинет штурмовали: управляющий, поверенные, люди от разных высоких домов. Мирослав решал всё на ходу, по памяти, без единой заминки в именах или расчётах. Он ворочал такими суммами и чужими жизнями, что у Яры сводило зубы от уважения.

«Ты на него смотришь уже как-то по-другому», — заметила Польша, лёжа в углу.

«Я на него вообще не смотрю», — ответила ей Яра и сильнее нажала пером на бумагу.

Она подняла глаза на Мирослава. Тот у дальнего стола слушал приказчика, одновременно просматривая ведомость, и ответил на вопрос раньше, чем человек успел договорить.

Дом Вольх поднялся высоко, и за это другие дома, у которых не вышло, ненавидели его только сильнее. Раньше Яра думала о Мирославе как о человеке, которому просто повезло родиться в богатой семье. Теперь, глядя на него, склонённого над убытками за полночь, она впервые допустила мысль, что он всё это богатство заслужил.

Но тут же себя одёрнула. Она здесь не для того, чтобы сомневаться в своей неприязни к нему, — у неё приказ Совета.

Но помимо Совета была ещё Польша. Стоило Мирославу в очередной раз покинуть кабинет, как рысь бесшумно поднялась со своего места. Она подошла ближе, мягко ткнулась лбом в колено Яры, и в её золотистых глазах проступила просьба.

«Раз уж ты здесь, в этом доме, попробуй узнать, кто убил Радима», — прокатился в сознании Яры голос её спутницы.

Отголосок горя ударил под дых. Она крепко запустила пальцы в густой мех на холке рыси, пытаясь забрать хотя бы часть её боли себе.

«Я сделаю всё, что смогу, обещаю, — беззвучно ответила она. — Но с чего начать? Где искать зацепку?»

«Радим был осторожен. Он записывал кодом всё, что считал важным, и вписывал эти шифры в кое-какие книги. Эти книги нужно найти», — ответила Польша.

Оставшись одна во время вечернего перерыва, Яра тут же принялась за дело. Прислушиваясь к каждому шороху за дверью, она наскоро проверила книги, оставшиеся на столе. Пальцы торопливо перелистывали тяжёлые торговые фолианты и реестры, глаза искали тайные знаки или скрытые пометки на полях, но нужных бумаг здесь не оказалось. Мирослав был слишком осторожен: он либо надёжно спрятал их в личных тайниках, либо и вовсе не держал в кабинете.

Вторую неделю Вольх не выпускал её из поля зрения. Эта непрерывная слежка вытягивала силы быстрее, чем сверка счетов, а теперь ещё и лишала возможности разыскать записи Радима.

Пятьдесят дней до полного отчёта. Пятьдесят дней под этим взглядом, и ни одной зацепки ни для Совета, ни для Полыни.

И Яра решила: раз не выходит остаться в тени и обыскать дом тайком, надо действовать иначе. Выйти на свет самой.

Когда мир рушился или бил наотмашь, Яра закрывала глаза и представляла, что играет в игру. Так она когда-то выстояла на бойцовском ринге: сквозь свист и вкус собственной крови она видела только цель, продвинуться дальше. Так она терпела удушливые приказы Совета, обводила вокруг пальца хитрых купцов и выносила из чужих библиотек нужные книги.

Значит, и здесь сыграем. Войти к нему в доверие, расположить к себе настолько, чтобы он перестал видеть в ней присланную ищейку, ослабил контроль и приоткрыл дверь в те уголки дома, куда её сейчас не пускали. А там, в глубине усадьбы, её ждали и его тайны, и книги Радима, и то, что ей нужно было куда сильнее, чем Совету.

Подходящий случай представился сам собой. Корабельный поверенный ушёл, оставив на столе листы с чертежами судов, и Мирослав задержал на них тяжёлый, долгий взгляд.

Яра это заметила. И вспомнила то, что Полынь хранила пятнадцать лет: маленький Мирослав, который таскал дядю на пристань и рисовал углём косые паруса на полях счётных книг, пока никто не видел.

— Красивые обводы, — негромко заметила она. — Вот у того, что с высокой кормой. И нос острый — такой будет отлично резать волну.

Мирослав поднял на неё глаза.

— Вы разбираетесь в чертежах, госпожа Брит?

— Вовсе нет. Просто в детстве я могла часами простаивать в порту, разглядывая суда. Мне казалось, в мире нет ничего прекраснее корабля под парусами.

Это была ложь от начала и до конца.

— Я когда-то мечтал стать корабельщиком. Проектировать суда. Вozить грузы под парусами, — признался он.

— Разве для мечты бывает слишком поздно? — мягко спросила Яра.

Его губы тронула мимолётная, непривычно мягкая усмешка.

И только теперь Яра поняла, что впервые за весь разговор не играла.

«Это просто игра, — напoмнила она себе. — И победа будет за мной».

Прошло несколько дней. Проверка тянулась, и каждое утро Яра неизменно проводила в кабинете напротив Мирослава.

— Чего бы я сейчас ни отдала за коробку тех миндальных тянучек с Медового ряда, — со вздохом обронила она однажды, отрываясь от книги и сладко потягиваясь. — С детства по ним с ума схожу.

«Осторожнее», — раздался в голове Яры голос рыси. Из своего угла она даже глаз не открывала, но в её мысленном урчании отчётливо слышалась усмешка.

«Я знаю, что делаю», — отозвалась Яра.

Глава 11. Касание (Мирослав)

К концу первой недели Мирослав вынужден был признать: он знает о присланном Советом ревизоре до обидного мало.

Что она не выносит сахар в чае и что забавно морщит нос, когда расчёты не бьются — горсть случайных деталей.

Мирослав привык работать один. Рядом с ним обычно либо ждали распоряжений, либо чего-то хотели. Кира могла часами молчать над своими книгами, и её присутствие почему-то не мешало. Вчера она опоздала всего на четверть часа, а он поймал себя на том, что дважды посмотрел на дверь.

И ни одна не отвечала на главный вопрос: что на самом деле нужно от него Совету?

Отмычка к Кире Брит не подбиралась. Что же, раз так, она должна открыть эту дверь сама.

Мирослав искренне гордился своей тактикой, пока не поделился ею с Туманом.

«Правильно ли я понял? — мысленно проурчал пума, даже не соизволив приоткрыть янтарные глаза. — Великий глава дома решил прибегнуть к соблазнению. Исключительно ради дела, разумеется».

«Всего лишь расположить к себе», — сухо отозвался Мирослав.

«Ну да. Расположить».

Туман приоткрыл один глаз. В нём плескалась такая издёвка, что Мирослав в который раз пожалел, что вообще открыл рот.

«Знаешь, чем плохо врать своему зверю? Тем, что я тебя насквозь вижу».

«И что же ты видишь?»

«А то, что ты вторые сутки косишься на её руки», — благодушно сообщил Туман и зевнул во всю пасть. «Длинные у неё пальцы, да? И как перо держит... А ещё на задницу её пялишься, пока она не видит. Я смотрю, тебя это место в проверке особенно заботит».

«Замолчи».

«Молчу». Зверь потянулся, глубоко выпустив когти в половицу, и снова обмяк. «Только давай уж честно: точно ли ты из-за дела решил её расположить к себе?»

Мирослав не ответил. К исполнению плана он приступил на следующий день. Ему понадобился, как нарочно, именно тот лист — старая опись по зерну у дальнего края её стола.

Он мог бы просто попросить её передать документ. Вместо этого подошёл сам.

Он потянулся за бумагой, склонившись прямо над её плечом. Неторопливо, почти интимно. Рукав его рубашки задел её локоть, а до неё донёсся запах его волос.

— Позвольте, — сказал он негромко, уже взяв лист.

Она замерла.

Всего на мгновение. Но от него не укрылось, как дрогнули и потеряли строчку её пальцы.

Неприступная посланница Совета, монолитная стена без единой трещины, вдруг густо покраснела.

«Попалась, — констатировал Мирослав с холодным удовлетворением. — Это оказалось легко».

И тут же по его собственному телу разлилось тепло. Он засмотрелся на этот румянец, забыв про лист в руке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.